

Чапаева Л. Г.

ОБЪЕМ И ГРАНИЦЫ НАРОДНОГО ЯЗЫКА В КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/62.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 161-163. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

нец, в семерых. В романе «Домби и сын» по субботам мистер Домби приезжал увидеться со своими детьми к миссис Пипчин, он производил на нее такое тягостное впечатление что, как враги Фальстафа, из одного нахрамленного человека превращался в дюжину.

В романе Вальтера Скотта «Роб Рой» мы находим пример, где запечатлен образ Фальстафа-труса.

... thus debarred from taking the right side, he acknowledged he embraced the wrong one, upon Falstaff's principle, that since the King wanted men and the rebels soldiers, it were worse shame to be ...

Роб Рой в письме признается, что намеренно проигрывал игру во время гражданской войны 1715 года. Лишенный возможности встать за правое дело, он примкнул к противной стороне - по правилу Фальстафа.

В одном из эпизодов пьесы Фальстаф приводит на войну отряд «оборванцев»: «полторы сотни одетых в лохмотья блудных сыновей», набранных им взамен откупившихся дворян (акт IV, сцена 2). В следующих примерах, аллюзии восходят в данному эпизоду.

... miserably out at elbows, and most clumsily patched in the rear. We might have been sworn comrades to Falstaff's ragged regiment. Little skill as we boasted in other points of husbandry, every mother's son of ... (Hawthorne. The Blithedale Romance).

... Second of his crown,--the youth who took purses on Gadshill, frequented Eastcheap taverns with Colonel Falstaff and worse company, and boxed Chief Justice Gascoigne's ears! What must have been the venerable Queen Charlotte's ... (Thackeray. The Newcomes).

Герой романа «Счастливейший Дол» мистер Кавердейл приравнивает себя и других жильцов Счастливого Дола с «полком» Фальстафа. Своим внешним видом, по мнению мистера Кавердейла, они скорее походили на нищий сброд или разбойников, нежели на честных тружеников или на собрание философов.

В романе «Смерть героя» Ричарда Олдингтона, один из персонажей являл собою образец поразительного эгоизма и тщеславия, отчаянный и довольно забавный враль, - своего рода литературный Фальстаф.

Таки образом, мы видим, что «Фальстаф» не менее популярный персонаж, чем «Робин Гуд», хотя может быть и далеко не всем известный за пределами Великобритании. С точки зрения когнитивной лингвистики, роль аллюзии состоит в неявном способе передачи информации. Аллюзия не только восстанавливает хорошо известный образ, но и извлекает из него дополнительную информацию. Известность, или же другими словами «узнаваемость», аллюзивного имени играет большую роль, так как данный фактор является одним из основных условий полного раскрытия аллюзии и передачи того замысла, идеи, которую авторы художественных произведений хотят донести до читателя. Будучи способным к распознаванию и декодированию широким кругом лиц, аллюзия переходит в разряд символов. Метафоры-концепты, имея множество признаков как основных, так и дополнительных, обеспечивают глубину и множественность интерпретации текста или персонажа.

Список использованной литературы

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. - М.: Прогресс, 1990. - С. 5-32.
2. Иванов Н. В. Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения). - Мн.: Профилен, 2002. - 176 с.
3. Коваленко Е. Н. Когнитивные аспекты сказочной аллюзии (на материале английского языка): Дисс. ... канд. филол. наук. - Томск, 2006. - 158 с.
4. Никитин М. В. Концепт и метафора // Проблемы теории европейских языков. - СПб., 2001. - С. 16-51.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. - Воронеж: Истоки, 2001. - 191 с.
6. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. - 824 с.

ОБЪЕМ И ГРАНИЦЫ НАРОДНОГО ЯЗЫКА В КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Чанаева Л. Г.

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова

В лингвистических спорах первой половины XIX в. содержание и границы литературного языка постепенно оформляются в оппозиции к народному языку, хотя ориентация на «народный язык» оказывается в определенной степени размытой, неконкретной, так как «народный язык» выступает как родовое, обобщенное понятие, объединяющее несколько языковых стихий, также недостаточно определенных в языковом сознании эпохи. Идеалистическое отождествление понятий *народ* и *народный язык* (ср.: «Мы, русские <...> искони соединили в одном слове «язык» понятие о говоре народном с понятием о самом народе» [Срезневский 1959: 16]), ничего не объясняет, так как по-разному определяется и социальное содержание понятия *народ*. Диффузность значений основных понятий, характеризующих народность языка, вызвала взаимонепонимание участников спора, а полемический пыл заострял мнения сторон: там, где один подразумевал под народным общенациональное, другой видел грубую простонародность. Впрочем, Д. Н. Ушаков и в 1927 г. замечал, что в определении понятия «народный язык до сих пор существует путаница: на самом деле народный язык, который обычно противопоставляется литературному, - не что иное, как фикция, т. е. это все местные говоры, вместе взятые; в каждой местности свой народный язык» [Ушаков 1995: 252]. Н. С. Трубецкой подчеркивал, что, различая язык народный и язык литературный, следует учитывать их взаимодей-

ствие, которое «определяется сложной сетью взаимно перекрещивающихся линий общения между людьми. Если ко всему этому прибавить и то, что как народный, так и литературный язык не остаются неизменными, а, наоборот, непрерывно развиваются, притом каждый по своим законам и в своем направлении, то получается очень сложная картина жизни языка [Трубецкой 1995: 9].

В XIX в. *народный* язык определяется через синонимию или антонимию к понятиям *разговорный* и *простонародный*, а содержание частично синонимичной парадигмы *народный* ~ *простонародный* ~ *просторечный* ~ *разговорный* в исследуемую эпоху конкретизируется постепенно, начиная с конца XVIII столетия. К середине XIX в. они продолжают оставаться мало разграниченными, хотя наблюдаются попытки их терминологизации.

В лексикографической практике первой половины XIX в. характеристика явления как «народного» обозначается пометами *простонародный* и *просторечный* (*просторечие*). В. В. Виноградов отмечал, что в первой трети XIX в. в русской лексикографии понятия «просторечие» и «простонародный язык» уже частично противопоставлялись: «Понятие «простонародного языка» применялось к обиходному языку сельского населения (в его общих, не имевших резкого местного, областного отпечатка формах), к языку мелкого чиновничества <...>, вообще к бытовому языку широких демократических масс, не тронутых «просвещением» [Виноградов 1982: 227]; а просторечие означало «обиходные, не «светские», не связанные нормами этикета стили живой устной речи» [Там же: 232]; это преимущественно «литературно не нормированная масса диалектов города», т.е. нечетко оформленная система, стилистический диапазон которой оказывается очень широким. «Как известно, в дореволюционной лексикографии <...> просторечие отождествлялось с разговорной речью, и термином «просторечное» отмечалось любое разговорное слово, в отличие от книжного, высокого. Для круга слов, свойственных речи социальных низов и наделенных определенной степенью грубости, употреблялась помета «простонародное» [Скляревская 1972: 32]. Таким образом, в первой половине XIX в. понятия *разговорный язык*, *народный язык*, *просторечие*, *простонародный язык* обозначали все-таки нерасчлененное представление о народной разговорной речи.

В Словаре Академии Российской 1806-1822 гг. (САР) *просторечие* определяется как «употребление слов простым народом. Слова в просторечии употребляемые суть средние между высокими и низкими» [САР V: 640], а *простонародный язык* как «принадлежащий, свойственный черни, приличный черни, низкому простому народу»; в свою очередь, *простой народ* – это «непросвещенные науками, неученые люди» [САР V: 645]. В Словаре церковнославянского и русского языка 1847 г. *просторечие* – «простой, обыкновенный разговор». В Словаре Даля (СД) *просторечие* вновь смещено в область «простонародности», т.е. связано с характеристикой речи простого народа: «простонародный говор, язык» [СД, III: 515], в то время как подобное значение: «принадлежащий простому народу (простонародное слово)» в Словаре 1847 г. принадлежит понятию *простонародный язык*, а простонародность связывается с понятиями «невоспитанность», «необразованность». В свою очередь слово «простонародный» в СД используется как синоним понятий *низкий слог*, *низкий язык* [СД, II: 545] и в определении *просторечия* (см. выше).

В. В. Виноградов отмечал размытость границ просторечия в начале XIX в.: «Тут были и общеразговорные слова, обороты и формы, лишенные книжного колорита, и те элементы бытовой речи, которые носили экспрессивный отпечаток демократической непринужденности, фамильярности, а иногда и грубости, даже вульгаризма, а также диалектные или жаргонные выражения. К «просторечию» подходила, отчасти с ним сливаясь, струя «простонародной» речи [Виноградов 1949: 168]. Таким образом, в первой половине XIX в. к *просторечию* относилось любое русское слово, противопоставленное книжному, высокому, т.е. *просторечие* являлось стилистически-функциональной категорией.

Стилистическая характеристика просторечных и простонародных слов к середине XIX в. заменяется узусной, социально-речевой. Простонародными в Словаре 1847 г. оказываются слова, отмеченные грубоватой экспрессией, имеющие те или иные грамматические признаки нелитературной речи, например: *задаром*, *намеднишний*, *прощельга*, *сглазить*, *смяться*, *шнырять*. Правда, некоторые слова с яркой экспрессивной окраской могут вытесняться и из области *простонародного*, характеризуясь как жаргонизмы: по поводу выражения «надувать кого-либо» говорится, что «это слово вовсе не простонародное, а взятое из языка, называемого французами *argot*, то же что *подтибрил*, *скамзолил*, *подкузнил* и прочие слова, которые не должны появляться в печати» [«Северная пчела», 1844, № 255]. Но по-прежнему простонародные слова нечетко противопоставлены просторечным. «Сопоставляя слова с пометами «просторечное», «простонародное» САР, Сл. 1847, заключаем, что в первом словаре просторечие характеризовало простую разговорную речь, было, в основе своей, стилистическим средством среднего стиля литературного языка, а во втором, отражавшем новые отношения в лексико-стилистической системе языка, просторечная, простонародная лексика в результате нейтрализации образует так называемое «литературное просторечие» [Шоцкая 1972: 22].

Оппозиция *народный* ~ *книжный* в первой половине XIX в. содержит в себе и противопоставление *разговорный* ~ *литературный*. В связи с тем, что народный язык связывается с понятием *живой*, *разговорный*, категория разговорности основывается не на общенациональных разговорных элементах, противопоставленных книжным, а преимущественно на стилистически окрашенной лексике, связанной с просторечием и диалектизмами, и, таким образом, совмещается с широким понятием *народного* языка. Например, Ф. Булгарин говорит о языке писателя М. Загоскина: «Он постиг народный, разговорный язык» [«Северная пчела», 1836, № 12: 47]. «Народный русский говор» писателю необходимо знать, но нельзя низводить его «ниже сельского говору», – считал Ф. Булгарин [Там же], явно приравнивая диалектную речь просторечию: «Меж-

ду нами есть писатели, которые ради оригинальности коверкают и терзают русский язык, как в попытке <...> И так, просим взглянуть в книгу под названием «Миргород», <...> Там есть такие фразы, что сам Эдип не разгадал бы их. Перекорчено, перековеркано, до нельзя <...> Разве подобное *просторечие* может иметь место в литературе?» [Там же: 48].

Категория разговорности в литературном языке первой половины XIX в. еще не сформировалась как лингвистическое и стилистическое понятие, такой пометы нет в словарях XIX в. Хотя, по мнению К. А. Войловой, сама разговорная или устная разновидность русского литературного языка образовалась на рубеже XVIII - XIX вв. в результате синтеза книжных и просторечных единиц [Войлова 2000: 18], в то время как *собственно* просторечие оформилось во второй половине XIX в. [Там же: 113]. В Словаре Даля «разговорная речь, язык, слог» означают «простой, как говорят обиходом» [СД, IV: 24]; «*письменный слог, язык*» не только противопоставлен устному как письменная форма языка, но и характеризуется как «напыщенный и искусственный, в котором нет простоты» [Там же, III: 114]; в качестве синонима к слову «*письменный*» можно рассматривать понятие «*книжный язык*», отличающийся изысканностью и высокопарностью [СД, II: 125]. Терминов «народный», «народно-разговорный» применительно к характеристике языка в Словаре Даля не отмечено, только «простонародный говор, язык» с синонимами «простой», «низкий» [Там же, III: 514; II: 545]. Можно заметить, что в Словаре Даля сохраняется синонимия понятий *народный - простонародный*, характерная для XVIII и начала XIX вв. К. С. Аксаков, говоря о русском языке в XVIII в., отмечал, что он «оставался разговорным и исключительно национальным» [Аксаков 1875: 258], подчеркивая таким образом его неписьменный и некнижный характер. Лексикографическая помета «разговорное» как одна из форм устной речи появляется впервые в Словаре Ушакова: «Разговорное означает: свойственно преимущественно разговорной речи; не нарушает норм литературного употребления, но, употребленное в книжном языке, придает данному контексту некнижный, разговорный характер» [СУ, I: L]. Но, как справедливо заметила К. А. Войлова, «сущность понятий нейтральности, книжности, разговорности, просторечности изучена недостаточно полно ни в истории русского литературного языка и стиля, ни в современной стилистике» [Войлова 2000: 130], поэтому и в современной русистике соотношение литературного, общенационального и различных форм разговорной речи рассматривается по-разному.

Антитеза *литературный язык ~ народный язык* оказывается зависимой от решения главного вопроса в оценке культурно-языковой ситуации первой половины XIX в. - вопроса о *народности* языка и литературы, т.е. как и какими средствами литература и язык должны стать подлинно народными. В ответе на этот вопрос общефилософское и идеологическое противостояние находит конкретную реализацию, поскольку «идеологические взгляды складываются и проявляются прежде всего не в сфере отвлеченного мышления, а в сфере обобщающе-оценочных представлений людей, непосредственно возникающих во всей конкретности их общественных отношений и вызывающих соответствующие чувства, эмоции, настроения, стремления, а затем и действия» [Поспелов 1978: 79-80]. Характеристика современной культурно-языковой ситуации и определение перспектив ее развития, изменения зависят в значительной степени именно от понимания того, что такое народный язык, каковы его социальные границы и степень взаимодействия с «правильной» литературной речью.

Список использованной литературы

1. Аксаков К. С. Полн. собр. соч.: В 3-х томах. - М., 1861-1880. - Т. 2. - Ч. 1.
2. Виноградов В. В. Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. - М.; Л., 1949. - Т. I.
3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. - М., 1982.
4. Войлова К. А. Судьба просторечия в русском языке: Докт. дис. - М., 2000.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. - М., 1955.
6. Поспелов Г. Н. Теория литературы. - М., 1978.
7. Складневская Г. Н. О соотношении лексикографических понятий «разговорное» и «просторечное»: Докт. дис. - Л., 1972.
8. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. - СПб., 1806-1822. - Ч. I-IV.
9. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. - М., 1959.
10. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. - М., 2000.
11. Грубецкой Н. С. История. Культура. Язык / Сост. В. М. Живова. - М., 1995.
12. Ушаков Д. Н. Русский язык. - М., 1995.
13. Шоцкая Л. И. Народно-разговорная речь как источник обогащения словарного состава русского литературного языка (30-40-е годы XIX века): Докт. дис. - Иркутск, 1973.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ИСТОРИЗМОВ

Чепель Н. П.

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

Перевод всегда был и остается средством взаимного сближения культур и народов. Перевод связывает не только языки - язык оригинала и язык перевода, он соединяет разные культурные пласты, разные нации, различные эпохи исторического развития, прошлое и современность. Переводное произведение не суще-